

Безумная гонка наперекор ветру не прошла бесследно. Расплата могла задержаться, но явиться была обязана.

Цюй Цзайян лежал на кровати, подперев голову рукой, и разглядывал спящего Ли Гэнчэня. Без привычной маски холодного безразличия тот выглядел на редкость... беззащитным. Совсем еще мальчишка.

Цзайяну очень хотелось его разбудить — ну, там, ущипнуть или толкнуть, — но рука не поднималась. Он лишь вздохнул и не удержался: ткнул пальцем в то место на щеке, где у Ли Гэнчэня обычно появлялась ямочка.

Тот завозился во сне, почувствовал щекотку и машинально перехватил чужую ладонь. Тепло девичьих — нет, юношеских — пальцев передалось от кожи прямиком к сердцу.

Цзайян резко отдернул руку и попытался вскочить, но на полпути лишь жалобно пискнул и уткнулся лицом обратно в подушку.

Ли Гэнчэнь открыл глаза и, приподнявшись на локтях, сонно спросил:

— Что такое?

— С-сука... — прошипел Цзайян, зарывшись в одеяло так, что снаружи остались только пунцовые уши. Он неопределенно махнул рукой в сторону своих ног.

Стоило Ли Гэнчэню шевельнуться, как он и сам прочувствовал весь «бодрящий» эффект в нижней части тела. Мышцы горели огнем.

Просчитались. Вчера сил не хватило даже на то, чтобы просто размять ноги, и теперь забитые мышцы устроили бунт, решив «перевернуть столы».

Цзайяну казалось, что его конечности атрофировались как минимум наполовину. Он осторожно высунул нос из-под одеяла:

— Послушай... а как мы вообще здесь оказались?

Ли Гэнчэнь еще не до конца пришел в себя. Он потер лицо, пытаясь разогнать туман в голове:

— Вчера...

Это была, пожалуй, самая тяжелая ночь в его жизни.

Сначала они валялись на ковре, пока Цзайян не начал тихонько похрапывать. Только тогда Гэнчэнь сообразил, что спать на полу — верный путь к простуде.

Он кое-как заставил себя сесть. Ли Гэнчэню очень не хотелось вспоминать, как он тащил своего соседа по парте от порога, то ли на плече, то ли в охапку, спотыкаясь на занемевших ногах, сбивая по пути вещи и в конце концов рухнув вместе с ним на кровать.

Сил на душ уже не осталось. Гэнчэнь натянул одеяло, решив вздремнуть часок, а потом уже привести себя в порядок.

В итоге, когда они наконец переоделись в пижамы и улеглись по-человечески, наступила глубокая ночь. И стоило Гэнчэню провалиться в долгожданную фазу глубокого сна, как его «боевой товарищ» без лишних церемоний вышиб его с кровати точным ударом ноги.

В тот момент их крепкая дружба едва не приказала долго жить.

Гэнчэнь сидел на ковре в половине пятого утра, философски созерцая циферблат часов, и лишь спустя вечность решился отвоевать себе крохотный клочок свободного места на огромной кровати.

Выслушав этот скорбный рассказ, Цзайян преисполнился такого жгучего раскаяния, что даже дернул Ли Гэнчэня за край футболки, предлагая гениальный выход:

— Слушай... а может, прогуляем?

Ли Гэнчэнь: «...»

Похоже, с этим соседом по парте каши не сварить.

Лао Му вернулся раньше срока. Вторая матушка Гао, перебросившись парой слов с учениками первого класса, собрала вещи и откланялась.

В пятницу утром класс, вопреки обыкновению, не зубрил тексты, а сбивался в кучки и шушукался. Главной темой для сплетен стал вывешенный в холле приказ о «строгом выговоре».

В нем руководство школы дало пояснения по поводу недавней драки и привода в полицию. Что касается Ли Гэнчэня, первого ученика параллели, инцидент списали на необходимую оборону. Зато на Цзайяна обрушили весь гнев: припомнили и прогулы, и опоздания, и «неподобающее отношение», и нарушение дисциплины. Впрочем, закончили на том, что старое помянуть не

станут, но впредь велели вести себя смирно.

Лао Му за свою двадцатилетнюю карьеру навиделся всяких: и лоботрясов, и сорвиголов, и настоящих «демонов». Характер у него был золотой. Он расхаживал между партами с термосом в руках, весело слушая пересуды учеников, и время от времени вставлял свои удивительно меткие замечания.

Цзайяна Ли Гэнчэнь всё-таки вытащил из постели, выдав на прощание смертный приговор: «Досыпать будешь в классе, и точка».

Пока они добирались до школы, Цзайян мечтал лишь об одном: отстегнуть руки и приделать их вместо ног. Если бы Ли Гэнчэнь не следил за ним в оба глаза, он бы, честное слово, пополз по лестнице на четвереньках.

Четвертый этаж для человека с забытыми мышцами — это Эверест, вершина, для покорения которой нужно сожрать минимум десять «Биг Маков».

— Иди уже, — Ли Гэнчэнь проигнорировал немой крик души товарища и буквально втащил его на этаж.

Они толкнули дверь класса как раз в тот момент, когда прозвенел звонок на первый урок. По расписанию была математика, которую вел Лао Му.

Учитель Му не спешил начинать занятие. Помешивая чай в термосе, он доводил до ума дела, которые не успела закончить Гао Энян. Развернувшись, он оказался прямо перед главными героями последних сплетен.

— А вот и вы. Проходите, присаживайтесь. У нас в классе дефицита в «дверных стражах» пока не наблюдается, — добродушно подмигнул им Му Цинфэн.

Класс взорвался хохотом. Кто-то с задних парт выкрикнул, что авторитета Лао Му точно хватит на то, чтобы нанять таких крутых охранников.

Ли Гэнчэнь подтолкнул соседа к парте:

— Учитель Му, вчера кое-что случилось, поэтому мы сегодня проспали.

Лао Му махнул рукой:

— Оставьте этот официоз, зовите меня по старинке — Лао Му. Сегодня я заступаю на пост, и, как полагается новому начальнику, должен «разжечь три пламени». Раз вы опоздали, на вас первое пламя и испытанием.

Цзайян уселся на место и уставился на учителя, ожидая, что тот выдаст.

Ли Гэнчэнь был легендой среди учеников, но и Му Цинфэн не отставал — он был «знаком качества» Второй средней школы. Его ученики ежегодно штурмовали лучшие вузы страны, обеспечивая ему неофициальный титул «первого учителя Хайчэна».

Цзайян за три года наслушался о нем всякого. Заметив на себе взгляд учителя, он ничуть не стушевался и вызывающе вскинул бровь.

— Раз уж опоздали, в наказание купите завтра завтрак на весь класс.

Цзайян даже разочаровался. Неужели это и есть его «первое пламя»? Слишком мелко.

— Без проблем, — кивнул он.

— Но имейте в виду, — Лао Му хитро прищурился, — если завтра хоть одному человеку завтрак покажется невкусным, Цюй Цзайян получит дополнительный сборник задач. И Ли Гэнчэню запрещено помогать соседу.

Цзайян: «...»

Ли Гэнчэнь: «...»

Заметив их замешательство, Лао Му продолжил:

— В нашем классе есть один славный юноша. Учитель вешает его работу на доску как позорную, а он, забыв обиды, переживает, как бы этот учитель не споткнулся. Если такой золотой ребенок попадает в полицию из-за драки, как вы думаете, в чем причина?

— Вступился за правду!

— Благородство в крови!

— Горой за друзей!

Меньше чем за минуту одноклассники придумали для «Школьного заправила» десяток героических оправданий.

Лао Му согласно кивнул. Он достал откуда-то листок с тем самым выговором, на глазах у всех порвал его на мелкие клочки и лично отправил в мусорное ведро.

— Вы пока живете в «башне из слоновой кости», и многие из вас чисты, как белые листы бумаги. Но что бы ни случилось, не спешите вешать ярлыки и слепо следовать толпе. Учитесь судить сами.

— Обижает ли Цюй Цзайян слабых, ищет ли он повода для ссоры — вы знаете лучше меня. Я не призываю вас решать проблемы кулаками, но я не потерплю трусости. Если на тебя замахиваются — бей в ответ, — Му Цинфэн взглянул на Цзайяна и сделал долгий глоток из термоса.

— Школа говорит, что это портит имидж, и велит пожурить. Цюй Цзайян!

Тот встал, совершенно сбитый с толку. К чему ведет этот старик?

— Ты неплохо рисуешь тех персонажей в конце контрольных. У тебя явно талант... Чего вы смеетесь? В каждом человеке нужно видеть достоинства, — укоризненно бросил Лао Му приснувшим ученикам с передних рядов.

Тема разговора окончательно вильнула в сторону всестороннего развития личности и недопустимости предвзятости.

Слушая это бесконечное «бу-бу-бу», Цзайян наклонился к Ли Гэнчэню. Тот уже ушел в мир комиксов с головой, и его пришлось несколько раз ткнуть в локоть, чтобы вернуть в реальность.

— Я наконец понял, зачем Лао Му термос.

— М-м? И зачем?

— С такой скоростью речи... ему и десяти термосов не хватит, чтобы горло не пересохло, — прошептал Цзайян.

Они переглянулись и снова едва сдержали смех.

— Цюй Цзайян, раз уж ты у нас художник, на тебе — оформление календаря обратного отсчета до Гаокао. Эта работа твоя.

— Окей, — кивнул тот, ожидая подвоха.

И подвох последовал незамедлительно. Лао Му перевел огонь на Ли Гэнчэня, который делал вид, что прилежно учится:

— Ну а Ли Гэнчэнь... ты отвечаешь за то, чтобы баллы твоего соседа выросли как минимум на пятьсот.

Цзайян: «???»

Ли Гэнчэнь: «...»

Он так и знал, что Лао Му его просто так не отпустит.

— Начнем с ближайшего пробного экзамена. Поставим скромную цель: подтянем его баллов на триста, а?

Всю пятницу Цзайян сидел как приклеенный. Ноги словно зацементировались, и он не шевелился, если только дело не касалось столовой или туалета.

Чэн Нань прибежал поглазеть на это зрелище. Увидев, что Ли Гэнчэнь нет на месте, он плюхнулся на его стул:

— А где наш Бог учёбы?

— Лао Му вызвал на ковер.

Чэн Нань понимающе хмыкнул, а потом с подозрением уставился на неестественно прямую позу Цзайяна. Огляделся по сторонам и доверительно прошептал:

— Слушай, Вторая мама... ты это... того? Ну, поэтому не двигаешься?

— Говори уже, что хотел, — Цзайян лениво колупал стопку из восьми сборников задач — долги за вчерашние прогулы плюс сегодняшние задания. Каждая строчка давалась ему ценой жизни тысяч нервных клеток.

— Ты что... в положении? — Чэн Нань выдал это с абсолютно серьезным лицом.

Проанализировав странное поведение друга в последнее время — переменчивое настроение, то холод, то жар, затворничество на стуле — он пришел к выводу: точь-в-точь как его беременная двоюродная сестра!

— В смысле? Что я «имею»?

— Маленького боби!

— Ага, сейчас тебе сестренку рожу, обрадуешься?! — прошипел Цзайян и, схватив учебник, запустил его прямо в голову друга.

— Ай! — Чэн Нань ловко увернулся. Увидев, что Цзайян злится вполне по-прежнему, он окончательно успокоился. Камень с души свалился.

— Конечно обрадуюсь! Безумно буду рад! — крикнул он уже с лестницы, пулей вылетая из класса.

— Радуйся молча, придурок! — Цзайян попытался вскочить, чтобы догнать его, но ноги напомнили о себе резкой болью. Прошипев ругательство, он плюхнулся обратно.

— Срочные новости! — в класс влетел староста класса Цинь Хай. Вокруг него тут же собралась толпа. Тот откашлялся и торжественно объявил: — Лао Му сказал, что перед экзаменами проставится всему классу! Велел решить, когда пойдем, чтобы не в ущерб учебе и отдыху.

Класс взревел так, будто наступил Новый год. Крики радости едва не сорвали крышу.

В заднюю дверь вошел Ли Гэнчэнь. Вид у него был все такой же невозмутимый, но Цзайян с первого взгляда понял: в схватке с Лао Му тот потерпел сокрушительное поражение.

— Ну, что он сказал?

— Сказал, что опросил всех учителей. И все в один голос твердят, что я не слушаю на уроках и не сдаю домашку...

Цзайян не дослушал и прыснул со смеху. Привычка Гэнчэня писать в тетрадях только ответы, пропуская всё решение, привела к тому, что его работы выглядели даже хуже, чем у самых заядлых двоечников.

Бог учёбы «спалился».

— И что в итоге?

— В итоге мне официально разрешили не делать ежедневную домашку, — Гэнчэнь со вздохом положил на стол несколько листков.

Цзайян: «???»

Что, простите?

Сидевшие неподалеку Мо Юэ и Чжао Янь синхронно скрипнули зубами. По сравнению с такой привилегией обед от Лао Му показался им детским лепетом. Одноклассники уже начали коситься на Гэнчэня, прикидывая, где бы достать нож поострее, чтобы прирезать этого везунчика.

— Но взамен он всучил мне олимпиадные задачи, которые составил сам, — добавил Гэнчэнь как раз в тот момент, когда кулак Цзайяна замер в сантиметре от его лба.

У Цзайяна чуть дыхание не перехватило — он едва успел затормозить свою «сорокаметровую саблю», замаскированную под кулак.

Встретившись с невинным взглядом Ли Гэнчэня, хлопавшего ресницами, Цзайян лишь тяжело вздохнул. Под одобрительным присмотром всего класса он вытянул средний палец и — с самым грозным видом «мстителя за справедливость» — легонько щелкнул Бога учёбы по лбу.

<http://bllate.org/book/17542/1703013>